

«Скрипка — струны, речке — струи, деревцу — своя листва... Лаком не залакирую знаки кровного родства», — читаем мы в одном из стихотворений Ольги Фокиной.

И, действительно, они, эти знаки, роднящие поэтессу с северной деревней, отчетливо проступают в ее творчестве.

А начало этому родству было положено в «маленькой деревушке, окруженной со всех сторон елками да елушками, да голодным криком ворон». В той самой, где в жизнь девочки Оли вошла светлым праздником книга со стихами Пушкина, которой, быть может, мы и обязаны теперь столь ярко заявившему о себе поэтическому таланту.

Мир детства будущей поэтессы был совсем не сказочным и далеко не безоблачным — война полыхала на горизонте. Запомнился он тяжелым до изнеможения («вот кончим сенокос — и — рученьки вразброс») крестьянским трудом, спорящимся под приbautку — «коси, коса, коси, пощады не проси».

Но вот подходили долгожданные «праздники Октябрьские и Май», и всей этой усталости как не бывало! И хотя война прибрала в свои жестокие руки все мужское население деревни, подгулявшие женщины, «завднув в угол стол, все чаще крепче ступают ногами в белый пол». Словно хотят своим неистовым топотом заглушить глохущую их «тоску-печаль» по ушедшим на фронт мужьям и сыновьям.

Наверное, именно с этих невеселых женских сборищ военного времени и появилась у Ольги Фокиной тяга к деревенским частушкам, особенно отчетливо проявившаяся в стихотворении «Лыдино-ка-снежиночка», посвященном кружевной артели «Снежинка» города Вологды и состоящем в сущности из нескольких мастерски связанных между собою частушек.

При этом, как и положено, начинаящая его частушка выдержана в замедленном темпе: «Тихо падают снежиночки на тоненький ледоч. Отколю кусочек льдиночки, где милого следок».

Затем ритм действия в стихотворении все убыстрится, и оно, как снежный ком, обрастает озорными частушками — самоцветами, которые переливаются и искрятся зачаровывая читателей.

Искренней верой в неизбежное счастье наполнены стихи Ольги Фокиной, посвященные вечной, как само человечество, теме любви. И как же по-девичьи носятся героини, когда обращаются к пока еще не встреченному или избраннику своего сердца:

«Милый! Кого я в тебе найду?

Друга ли? Вора ли? Встречи с тобою, как

счастья жду:

«Скоро ли? Скоро ли?».

Но они умеют быть и поженски душевно щедрыми, готовыми на самопожертвование во имя счастья бывшего еще вчера близким, а сегодня ставшего чужим человека — «свою любовь, как золотую рыбку, без выкупа пускаю в океан».

Многие известные российские поэты посвятили свои лучшие произведения женщине-матери. Особое я бы сказал, даже почетное место занимают они и у нашей землячки, лауреата Государственной премии РСФСР имени Горького Ольги Фокиной.

Даже в самом том, что они не выделены в общий цикл, а чередуются со стихами на самые различные темы, есть своя определенная закономерность. Ведь мать для поэтессы остается постоянным примером трудолюбия, тем человеком, с которого она старается делать свою жизнь:

«Сегодня все тучи ветра пораздули,

Сегодня все солнце твоей седине.

2 сентября —
60 лет
со дня
рождения
Ольги
Фокиной

«Тихо падают снежиночки...»

Тянусь за тобою...

Смогу ль, дорасту ли,
Когда-нибудь встану ль
с тобой наравне?».

А значит, и в том, что сегодня общий тираж ее поэтических сборников превышает миллионный рубеж и что творчество ее получило поистине всенародное признание, есть, конечно же, и материнская заслуга.

Постоянную прописку получила на страницах книг Ольги Фокиной Вологда. Город, в котором она живет и работает, где «соборы величавые, из труб дымы курчавые» (стихотворение «Вологде»). Присутствует она в названиях и еще двух стихотворений. Это «Вдоль по Вологде — метель, метель...» и «В Вологде — оттепель...».

В них мы находим и прямую переключку с известной народной песней («Ой, метелюшка, — мети-мети! Нам с тобою в одну сторону идти»). И жанровую картину («В Вологде — оттепель: кар-р! кар-р! Из следа отпото: март. Март»).

У Ольги Фокиной есть немало стихов, которые как бы сами собой, своим поэтическим строем рожают музыку. Незаметно складываясь в целостную мелодию они сразу же и совершенно произвольно воспринимаются как песни. Говоря, как правило, о глубоко прочувствованном и пережитом, все они, однако, рассчитаны на разнообразную инструментовку.

Например, стихотворение «Расскази про Кижки!» уже самой своей ритмикой предполагает сильное пе-

ние и лучше всего прозвучит под гитару, настолько интимно заключенное в нем чувство:

«Расскази про Кижки!
Говорят, что сказочный остров!

И другого такого
Уже не отыщешь нигде.
Но по снегу туда,
Говорят, добираться

непросто:
Надо ждать до весны,
Чтобы плыть по широкой

воде».

Сразу как песня писательница Фокиной стихотворение «Было радости немало...». В каждом из пяти составляющих его куплетов имеется обязательный, но совершенно разный по содержанию, повтор в двух — трех последних строках.

Написана же эта песня в столь безукоризненной народной традиции, что, безусловно, составила бы один из лучших номеров в репертуаре хора Пятницкого: «Было радости немало, Пропливалась радость

за края.
Не жалела — разлила!
Разлила и заскучала.
Заскучала, заскучала,
Ох, что мне делать,

заскучала я!».

Постоянно обращается Ольга Фокина и к фольклорным мотивам, достигнув значительного совершенства в их использовании.

Весьма показательны в этом отношении стихотворение «Диалектика», потому что двадцать из двадцати пяти его строк представляют собой самые натуральные пословицы («Было, да утекло». «Дура, да кудреватая». «Сватано, да не выдано». «Денежно, да не

родина» и другие). Причем, все они зарифмованы и составляют, таким образом, единое стихотворение.

В издательских аннотациях к сборникам стихов Фокиной обычно говорилось, что в них «воспеваются родной край, северная природа, описывается жизнь советской деревни». Но, к сожалению, они не совсем точно ориентировали читателей на конкретное содержание. Ибо круг тем, затрагивавшихся их автором, значительно шире.

У Фокиной можно найти строки, посвященные жертвам ленинградской блокады («На Пискаревском кладбище»), бывшим фронтовикам («Ветерану войны»), популярному киноактеру Вячеславу Тихонову («Герой из фильма»). Поднимаются ею и другие, далеко не сельские проблемы.

Так что, наверное, пора уже нам говорить в полный голос о подлинном диапазоне поэзии нашей известной землячки и перестать, наконец, по установившемуся шаблону относить ее к числу «поэтов-деревенщиков». Тем более, что и сама Ольга Александровна уже давно дала достойную отповедь любителям такой «классификации»: «Я, конечно, из деревни, И не скрою, раз спросили, Из деревни, из какой, Песни есть о ней и книжки, Есть о ней стихотворенья, И зовут ее — Россия... А откуда, вы, такой?».

Николай ДАНИЛОВ.

Фото
из архива
редакции.

Сергей Викулов об Ольге Фокиной

Порой, кажется, поэтесса даже не замечает, что снова и снова говорит языком своих любимых героев, — настолько она сроднилась с ними, настолько близки и понятны ей их образ мысли, их психология, их представления о жизни. От того стихи эти, как и сама разговорная речь, подчас не очень, что ли, правильны. В них не выдерживаются размеры, вместо рифмы — нередко созвучия, не

говоря уж о словарном составе этих стихов. В них то и дело попадают словечки, которые «в правильных» стихах, пожалуй, и резать бы слух, вызывали желание заменить их другими. Однако, при чтении стихов Фокиной такого желания не возникает. Слова эти по-настоящему живут в них, придавая им особую окраску, ту самую, без которой понятие «нацио-

нальное своеобразие» — пустой звук...

М. Исаковский, с отеческой озабоченностью следивший за деревенской поэзией, которой сам, по сути, отдал всю жизнь, не проглядел и молодую советскую О. Фокину. Будучи уже тяжело больным нашел время прочитать ее сборник стихов, написал автору: «...Я чувствую какое-то своеобразное родство по отношению к Вашей поэзии».